

801.7:8'37/81'42

ДИСКУРС КАК ЕДИНИЦА ИССЛЕДОВАНИЯ: НАУЧНЫЕ ШКОЛЫ, ПОНИМАНИЕ ТЕРМИНА

Ли Же

Постановка проблемы. В современной лингвистике активно разрабатываются проблемы, связанные с когнитивным аспектом исследования языка. Так, языковая коммуникация формируется сегодня как самостоятельное междисциплинарное направление в системе гуманитарных наук. Перед современными исследователями стоят такие задачи, как: создание теоретической базы данного направления, формирование его понятийно-терминологического аппарата, описание структуры коммуникативных процессов и их комплексный анализ. Эти задачи и определяют содержание теории дискурса.

Если в начале XX века лингвисты обращали внимание на вопрос *Как устроен язык?*, то через несколько десятилетий они стали задумываться над тем, *как функционирует язык.*

По своей природе теория дискурса объединяет разные гуманитарные науки, и благодаря этому решаются многие проблемы, возникающие в современной коммуникации. Дискурсивный подход в исследованиях позволяет рассматривать связь между языковым общением, человеком, культурой и обществом, а также создавать новые возможности в исследовании коммуникативных процессов.

Цель данного исследования – описание различных подходов к определению термина *дискурс* и интерпретация его содержания.

Научная новизна работы заключается в раскрытии ключевых позиций теории дискурса в различных научных школах коммуникативной лингвистики, одна из которых представлена в китайской теории языка.

Впервые *дискурс* был введен в научную теорию лингвистики текста американским ученым З. Харрисом в 1952 году как лингвистический термин в словосочетании «анализ дискурса». Но до сих пор определение дискурса является дискуссионным, и этот феномен как категория коммуникации понимается многими учеными по-разному. Изучению дискурса посвящено множество исследований, авторы которых трактуют это явление в различных научных парадигмах, поэтому в лингвистических теориях понятие *дискурс* к концу XX века стало шире понятия язык. Таким образом, можно сделать вывод, что понятийный диапазон термина *дискурс* очень широк.

Обратимся к научной интерпретации данной дефиниции. В Лингвистическом энциклопедическом словаре (1990) Н.Д. Арутюнова определяет дискурс так: «Дискурс – связный текст в совокупности с экстралингвистическими – прагматическими, социокультурными, психологическими и др. факторами; текст, взятый в событийном аспекте... Дискурс – это речь, «погруженная в жизнь». Поэтому термин «дискурс», в

отличие от термина «текст», не применяется к древним и другим текстам, связи которых с живой жизнью не восстанавливаются непосредственно» [1, с.136-137].

Так, интересно отметить, что научная дискуссия о дискурсе как самостоятельном феномене началась с описания соотношения текста и дискурса. Некоторые ученые предлагают трактовать дискурс как «текст *плюс* ситуация», в то время как текст, соответственно, определялся как «дискурс *минус* ситуация» [5, с.87]. На наш взгляд, можно согласиться с формулой: дискурс = текст + ситуация, однако вторая формула «текст = дискурс – ситуация», по нашему мнению, является не очень логичной. Любой дискурс (вне зависимости от типа) – это текст, но не любой текст представляет собой дискурс. Интересное наблюдение: если мы рассматриваем текст и дискурс как языковые явления, дискурс принадлежит к категории текста; с другой стороны, если понимаем дискурс и текст как языковую деятельность (языковую коммуникацию), то, конечно, понятие дискурса шире, чем текст. Лингвисты отмечают, что дискурс возникает и выявляется в тексте и через текст. В то же время это отношение не является однозначным: «Любой текст может быть выражением или реализацией нескольких, иногда конкурирующих и противоречащих дискурсов. Каждый конкретный текст, как правило, носит черты нескольких разновидностей дискурса» [14, с. 11]. Поэтому в любом случае мы не можем утверждать, что дискурс – это не текст. По нашему мнению, главный и сложный вопрос заключается в том, при каких коммуникативных условиях текст проявляется в дискурсе и отсюда – *какой текст является дискурсом?* Этот вопрос сегодня вызывает большие споры: ученые разных школ исследуют данный феномен с различных позиций.

Известная австрийская исследовательница Р. Водак в монографии «Язык. Дискурс. Политика» (1997) подробно описала соотнесенность трех категорий: дискурс, текст, контекст. По ее мнению, «дискурсы (любого вида и формы) могут быть выявлены, описаны и поняты лишь в контексте... Таким образом, дискурсивный анализ, если его рассматривать с позиции социолингвистической традиции, оказывается непременно связан с экстралингвистическими переменными, а также с вопросами порождения и понимания текста» [4, с.76].

В настоящее время в европейской лингвистике работают три основных подхода к изучению дискурса. Первый подход, осуществляемый с позиций формальной или структурно ориентированной лингвистики, определяет дискурс как «язык выше уровня предложения или словосочетания» – «*language above the sentence or above the clause*». Второй подход предполагает взаимосвязь функций дискурса с функциями языка в широком социокультурном контексте. В третьем варианте подчеркивается взаимодействие формы и функции, т.е. дискурс рассматривается на уровне высказывания [5, с.86].

Эти основные подходы классифицируют множество определений дискурса. Нам интереснее прежде всего когнитивное направление в интерпретации дискурса.

Стоит отметить, что в своей известной работе «Язык. Познание. Коммуникация» (1989) Т. ван Дейк замечает, что дискурс представляет собой «размытую категорию». Эта «размытость» объясняется двумя причинами: историей формирования, когда в семантической памяти лексемы утверждаются признаки прежних подходов и употреблений, и полной неопределенностью места дискурса в системе категорий и модусов существования языка [5, с.46]. На наш взгляд, ученый в какой-то степени пытается объединить различные понимания дискурса по трем основным аспектам:

средство макроструктуры, коммуникативное событие и связанная последовательность предложений.

По его мнению, дискурс – это «существенная составляющая социокультурного взаимодействия, характерные черты которого – интересы, цели и стили на уровне макроструктур». Т. ван Дейк определил макроструктуру как «семантическое содержание категорий, входящих в суперструктурные схемы». Макроструктуры являются структурами самого дискурса, часто единственными в своем роде, и только понятия, определяющие макропропозиции, выводятся с помощью знаний о мире [5, с.53].

Антропоцентрическая парадигма языка, предложенная Э. Бенвенистом в 70-х годах XX века, позволила рассматривать дискурс как «функционирование языка в живом общении». Одним из первых лингвистов придал слову *дискурс* терминологическое значение: «речь, присваиваемая говорящим», тем самым расширив известное во французской лингвистической традиции понимание дискурса как «речи в общении», или как текст. Исследователь противопоставлял дискурс объективному повествованию (*vecit*)» [1, с.137].

Следуя теории Э. Бенвениста, французская лингвистика понимает дискурс как такой эмпирический объект, который побуждает к размышлению об отношении между языком, идеологией и человеком [12, с.27].

Так, П. Серио выделяет восемь значений термина «дискурс»: 1) эквивалент понятия «речь», т.е. любое конкретное высказывание; 2) единица, по размерам превосходящая фразу; 3) воздействие высказывания на его получателя с учетом ситуации; 4) беседа как основной тип высказывания; 5) речь с позиции говорящего в противоположность повествованию, которое не учитывает такой позиции; 6) употребление единиц языка, их речевая актуализация; 7) социально или идеологически ограниченный тип высказываний, характерный для определенного вида социума; 8) теоретический конструкт, предназначенный для исследований производства текста [12, с.26-27].

Конкретный анализ исследований дискурсивного направления позволяет сделать вывод, что теория французской школы дискурс-анализа обусловлена основными тремя факторами: дискурсом, событием, анализом. Содержание дискурса – это прежде всего анализ события, то есть событие как информация без анализа не может стать дискурсом. Эти три фактора создают одну систему – социальную коммуникацию.

Эти связи между текстом с социальным действием легли в основу понимания дискурса в европейской и русской научных школах.

Действительно, описание признаков и характеристик дискурса как и его составляющих связано с объяснением различных процессов его порождения и функционирования. Ценность модели дискурса, предложенной Т. ван Дейком, состоит в выявлении «коммуникативного события» как сложного единства языковой формы, значения и действия [5, с.46]. Похожий взгляд на данную проблему мы также находим у П.Б. Паршина. Он считает, что сочетаемость слова «дискурс» позволяет определить природу этого феномена. Дискурс определяется им как характеристика коммуникативного своеобразия агента социального действия [9].

В современном понимании дискурса важным является выделение его ценностных признаков.

Так, В.И. Карасик утверждает, что «важнейшей характеристикой дискурса как феномена культуры являются его ценностные признаки... Если понимать функцию

объекта как его место в системе более высокого объекта, то функциональной характеристикой языка является его место в культуре» [7, с.227].

Представитель когнитивной школы Г.Г. Слышкин понимает дискурс как объект исследования культуры: «Как и всякий артефакт культуры, любая единица языка или речи может служить основой для образования в коллективном сознании лингвокультурного концепта. Это касается и дискурса... Дискурс будет являться объектом, а концепт – инструментом анализа» [13, с.38-39].

То же мнение выражено в работах Е.С. Кубряковой: «Под дискурсом следует иметь в виду именно когнитивный процесс, связанный с реальным речепроизводством, созданием речевого произведения, текст же является конечным результатом процесса речевой деятельности, выливающимся в определенную законченную (и зафиксированную) форму» [8, с.164].

При всем многообразии определений термина в современных лингвистических исследованиях важен тот факт, что большинство ученых акцентирует внимание на ситуации общения как необходимом условии появления вербального или / и невербального текста. В.З. Демьянков показывает, как в создании дискурсивного текста используются языковые средства, придающие событиям следующие признаки: статичность vs. динамичность, контролируемость vs. неконтролируемость, рассмотрение в целостности vs. по фазам, моментальность vs. длительность vs. повторительность, достигнутость vs. недостижимость цели, степень достоверности, ролевые функции участников события, известное vs. желательное vs. предпочтительное, «способ существования» объектов в событии, пространственно-временная локализация, квантифицируемость, причинная обусловленность vs. спонтанность («беспричинность») [6, с.60].

В современной украинской лингвистике поддерживается и активно развивается коммуникативный подход к изучению дискурса. Так, по мнению Ф.С. Бацевича, предельной составляющей дискурса выступает *высказывание* как носитель определенного узуализированного, институализированного смысла, т.е. *значения*. С зарождением коммуникативного подхода к языку (шире – коммуникативной лингвистики) появляется возможность исследования иных существенных характеристик «человека говорящего»: когнитивных, психологических, духовных, эстетических и т.д. – и их влияния на процессы общения [2, с.4].

Эти характеристики как основные черты дискурса полно описаны Е.А. Селивановой в рассуждениях о дискурсе как коммуникативной ситуации. Лингвист соглашается с классическим определением дискурса, предложенным В.З. Демьянковым в известных работах, и отмечает контекстуальность, личностность, процессуальность, ситуативность, замкнутость важными институциональными признаками дискурса любого типа [10, с.39].

К.С. Серажим утверждает, что в современной лингвистике обозначаются два основных понятия «дискурс»: «(1) дискурс як текст, що актуалізується в певних умовах, і (2) дискурс як дискурсивна практика. Понятійна сфера дискурсу в лінгвістиці значно розширилася: сьогодні можна зустріти без особливих заперечень терміни *діалогічні дискурси* (1) і *монологічні дискурси* (2). Ще декілька років тому подібне вживання терміна вважалось помилковим, оскільки у випадку (1) спостерігається яскраво виражена тавтологія (діалог = дискурс), а у (2) – видима суперечність (дискурс = діалог) [11, с.11].

Наши наблюдения позволяют сделать выводы, что коммуникативное событие является необходимым условием порождения дискурса. «Бесспорным является тот факт, – отмечает Л.Е. Бессонова, – что дискурс утверждает свое место в системе категорий коммуникации прежде всего через понятие «текст» (хотя таковым текстом в чистом виде не является), также через понятие «речь», а именно созданием определенного коммуникативного пространства, где и происходит коммуникативное событие, порождающее текст» [3, с.25].

Научные исследования известных лингвистических школ оказали значительное влияние на формирующуюся сегодня в Китае теорию дискурса. Как показывает обзор литературы, китайские лингвисты рассматривают дискурс на грамматическом уровне: то есть как языковое явление без лингвокультурологического и концептуального анализа, как сочетание грамматики, внутренней структуры и семантика языка.

Например, исследователи Сю Ле Чунь (Xu Lie Jiong, Хунайский университет), Лю Тань Чинь, (Liu Dan Qing, Академия гуманитарных наук Китая) впервые определили китайский язык как «discourse configurational language» [16, с.30]. По их мнению, базовым критерием определения дискурса и обычной речи, а также их соотношения является «*xua ti*» (тема разговора. – Ли Же). Интересно, что *xua ti* является одновременно ядром предложения и целью выражения, при этом в дискурсе может существовать как одна *xua ti*, так и несколько. Лингвисты отмечают, что «*xua ti*» в дискурсе выявляется описанием структуры предложения, выяснением логических связей между членами предложения, особенно между субъектом и предикатом. «Если мы нашли цель действия, значит, мы нашли тему разговора, то есть *xua ti*», – подчеркивают китайские ученые [16, с.47].

Проф. Шен Ян (Shen Yang, Пекинский университет) рассматривает дискурс как категорию языковой коммуникации. Отличие дискурса от других единиц языка заключается в том, что он содержит большую имплицитную информацию, которая раскрывается только через анализ подтекста. Исследователь считает, что на дискурсивном уровне «известная информация» – главная тема в тексте, а «неизвестная информация» – это служебная тема в тексте. «Главная задача анализа дискурсивного текста, – подчеркивает лингвист, – найти контакты и связи между двумя темами не только в тексте, но и в «языковой ситуации», связанной с текстом» [15, с.260].

Надо отметить, что в настоящее время отмечается несколько направлений в китайской лингвистике, которые формируют тем самым самостоятельную дискурсивную школу с представлением конкретных научных позиций. Наше исследование также посвящено этой цели – внести свой вклад в научную теорию китайской лингвистики.

Выводы. Таким образом, дискурс не просто общение, в нем существуют явные цели и определенные участники со своими социальными, психологическими, национально-культурными, статусными характеристиками. Но какие именно цели и какие участники, зависит от конкретного типа дискурса (например, целью политического дискурса является завоевание и удержание власти; его участники – политики и общество).

Определение дискурса до сих пор остается в центре внимания современных научных обсуждений, в этом и есть его актуальность, научная ценность и обаяние.

Список литературы

1. Арутюнова Н.Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – С.136-137.
2. Бацевич Ф.С. Текст, дискурс, речевой жанр: соотношение понятий // ВІСНИК Харківського університету. – № 520. – Серія філологія, випуск 33. – Харків, 2001. – С.3-6.
3. Бессонова Л.Е. Коммуникативные аспекты политического дискурса // Ученые записки ТНУ им. В.И. Вернадского. Т.16(55). – № 1: филологические науки. – Симферополь, 2004. – С.22-27.
4. Водак Р. Язык. Дискурс. Политика/ Пер. с англ. и нем.: ВГПУ. – Волгоград: Перемена, 1997. – 139 с.
5. Дейк Т.А., ван. Язык. Познание. Коммуникация. – М.: Прогресс, 1989. – 307 с.
6. Демьянков В.З. Событийность в языке средств массовой информации // Язык средств массовой научной конференции. Москва, филологический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова, 25-27 октября 2001 года. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2001. – С.59-60.
7. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград: Перемена, 2004. – 390 с.
8. Кубрякова Е. с.Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа) // Язык и наука конца XX века. – М.: Рос. Гуманит. ун-т, 1995. – С.144-238.
9. Паршин П. Б. Понятие идиополитического дискурса и методологические основания политической лингвистики // www/elections.ru/biblio/lit/parshin.html. Архив 23 марта 1999.
10. Селиванова Е.А. Основы лингвистической теории текста и коммуникации: Монографическое учебное пособие. – К.: ЦУЛ, "Фитосоцицентр", 2002. – 336 с. – рус.
11. Серажим К.С. Термін «дискурс» у сучасній лінгвістиці // Вісник Харківського університету. – Харків, 2001. – № 520. Серія філологія, випуск 33. – С.7-12.
12. Серю П. Как читают тексты во Франции // Квадратура смысла. Французская школа анализа дискурса / Пер. с франц. и португ. – М.: Прогресс, 1999. – С.14-53.
13. Слышкин Г.Г. Дискурс и концепт (о лингвокультурном подходе к изучению дискурса) // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс. – Волгоград: Перемена, 2000. – С.38-45.
14. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. – М.: ИТДГК «Гнозис». – 326 с.
15. Shen yang. Yu yan xue chang shi shi wu jiang. – Bei jing: Bei jing da xue chu ban she, 2005. 11. – 468 с.
16. Xu lie tong. Liu dan qing. Xua ti yu jiao dian xin lun. – Shang hai: Shang hai jiao yu chu ban she, 2003. 11. – 280 с.

Поступила в редакцию 13.02.2006 г.